

УЛЬЯНА СОМИНА

ГЕРОИ
И ГЕРОИНИ

Ульяна Сомина

ГЕРОИ И ГЕРОИНИ

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Сомина У.

ГЕРОИ И ГЕРОИНИ / У. Сомина — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Что делать, когда ты любишь безгранично, а он не может забыть другую? Как действовать, когда хитросплетение жизненных нитей толкает тебя навстречу судьбе, а ты противишься? Как убедить его в том, что ты не одна из многих, а та единственная и неповторимая? Три истории любви причудливо переплелись на полотне разных жизней и судеб. Это история о том, как мы, не осознавая того, влияем на судьбы разных людей. И пусть кому-то в этой пьесе отведена роль второго плана, но будет другой спектакль, другая история, в которых каждый из нас исполнит главную роль.

© Сомина У.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ульяна Сомина

ГЕРОИ И ГЕРОИНИ

Самому близкому и любимому человеку – Карпишко А. В.

Пролог Межвременье

Ей снился город, его ночное великолепие восхищало и отталкивало одновременно. Об этом городе хотелось слагать песни, но в тоже время периодически возникало желание собрать вещи и убраться отсюда, только бы не видеть этих серых улиц, скучных лиц...

Николаев, что тебе снится? Корабли? Былая слава и величие?

Она проснулась рано. Около пяти утра. Снова кофе натошак. Нет, фигуру не берегла, хоть и не могла похвастаться осиной талией, но кофе привыкла пить только так. Чтобы почувствовать его вкус и горечь. Ведь и жизнь нужно принимать такой, какая есть, без добавок и красителей. Иначе – сплошной обман.

На ноуте включила Лару Фабиан, такое вот настроение с утра. Но вспомнилась почему-то песня группы «Чайф» с такими строчками: «Все хорошо, трудно представить, что могло быть и хуже, если я не пришел, то нафиг тебе такой я нужен...» Если смотреть правде в глаза, целясь в висок, роман был неважным и мужчина «командировочным». Тот сразу сказал ей, чтобы не рассчитывала на что-то серьезное, что он давно женат и его все устраивает. Поэтому появлялся внезапно, вдоволь наслаждался временным статусом свободного от уз брака мужчины, а потом исчезал на неопределенный срок. Может, она и влюбилась в него, раз изводила себя напрасно поначалу, пыталась звонить, чаще видеться... Потом уже стало понятно, что согласившись играть второстепенную роль, главную ей никогда не получить. Или довольствуйся тем, что есть или обходись без всего. И она выбрала первый вариант. А теперь просыпалась одна, пила кофе натошак и не ждала звонков и визитов с таким трепетом.

Чашка опустела, песня закончилась. Всего двадцать три и вся жизнь впереди, рано она себя похоронила. Но было в ее прошлом то, о чем не хотелось вспоминать, но, к сожалению, память поворачивала время вспять, вынуждая ее ненавидеть себя, этого «примерного семьянина» и всех людей в целом.

Глава 1

Призраки

Молчание (размышления кого-то)

Замолчать – значит не врать, не терзать незажившие раны, не приставлять к виску собеседника пистолет, не прощать и не просить никогда и никого.

Что ты знаешь о молчании? Да, что ты вообще можешь знать о нем?! Оно наступает внезапно или преднамеренно, бывает неуклюжим и робким, а иногда – резким, словно противник на дуэли бросает вызов, держа револьвер наготове.

Я перечеркиваю молчанием твою жизнь. Страницу за страницей, строчку за строчкой, игнорируя знаки препинания. Ты же упиваешься им, как терпким вином и просишь еще. Я вижу твои жадные глаза, они умоляют меня помолчать. Застыть безмолвной статуей над тобой. А ты будешь благоговеть, преклоняться, как поклонялись наши отцы этому забытому теперь старику – отцу революции. И я буду точно так же, как этот старик, беспомощно и бесполезно взирать на все вокруг, что движется, меняется, развивается и погибает. Зачем? Зачем я молчу? Я не хочу такой судьбы! Тогда в предвкушении свободы, я произношу два слова, банальных и простых: «Забудь меня».

Мне надоело молчать, впору закричать, освободить легкие для новых звуков, составляющих новые слова. Ах да! Слово «люблю» так и не слетит никогда из моих уст по отношению к тебе. Потому что, если я опрометчиво произнесу его, смысла в моих пустых речах больше не будет. И я буду вынужден замолчать навсегда. Стать твоим монументом, безмолвной статуей, каменным идиолом... Твоим...

Четыре года назад

Нотка грусти... Пахнет летом: еще юным и неокрепшим. Хотя по календарю оно еще не наступило. Май...

Комната пропитана этим запахом, он проникает в нее через распахнутое окно. Из окна виден город – полусонный и какой-то вечно уставший. Не помогают даже люди, бродящие бесцельно по улицам и скверам.

Тоска... Комната служит декорацией к ее жизни. Бежевые обои, ковер над кроватью, книжная полка, стол, шкаф с вещами и хламом... Все это вмещает в себе она. Это и есть она... Сидит на полу, скрестив ноги, думая о лете.

Вот уже несколько дней почти каждую ночь девушке снится один и тот же сон. Реальность, зажатая в объятиях первой любви. Последняя встреча, морщинка на переносице, хмурый взгляд, широкая ладонь на хрупком девичьем плече и небрежно брошенные слова напоследок. «Забудь меня», – сказал самый близкий для нее человек. Просто возьми и забудь. Выброси рисунки, фотографии, сотри память, перечеркни чувства. Она-то думала, что «мы» – это навсегда. Оказалось, что у счастья есть срок годности. И право беспощадно дробить местоимение МЫ на Я и ТЫ.

Смеркалось... Она обняла колени и посмотрела в окно. Стены давили, пытаясь одновременно уберечь и оставить здесь навсегда, задавив своей тяжестью. Уничтожить. Наверное, потому что девушка именно здесь возвращалась к одним и тем же мыслям, изводившим, мешающим жить и дышать. Здесь она дышала летним воздухом в конце весны...

Все мысли были размеренны, взвешены, но в той же степени непонятны и сумбурны. Отрицание всего и принятие одновременно.

И она рисует. Рисует долго. Лица, жесты, эпизоды из жизни. Рисует людей, животных, цвета и запахи. Она помнит. И не хочет ничего забывать. Здесь – жизнь. Где-то ее, где-то придуманная ею. Иногда эта грань становилась почти незаметной.

Рисунки (из первых уст)

На самом деле я никогда не умела рисовать. Все началось с переходного возраста и маминых истерик. Мама непонимающий человек, она из тех людей, кто гнет свою линию. Поэтому любые шаги на пути к формированию собственного мнения, – не совпадающего с ее – это скандал. В детстве она умудрялась раздавать подзатыльники за несогласие со «взрослым и умным человеком».

В лет четырнадцать все накалилось до предела. Как общеизвестно – это тот возраст, когда хочется все отрицать, ничего не брать на веру и никогда не соглашаться со старшими, а особенно с «предками». Не скажу, что я была яркой бунтаркой, но и паинькой меня назвать было трудно. Именно в этом возрасте я примкнула к какой-то популярной субкультуре. Ни с какими подозрительными компаниями не связывалась, сходила с ума в одиночку. Таким образом выражала своеобразный протест, «давала» пощечину маминому вкусу. Одежда мрачных тонов, браслеты с шипами, ремни, извечные кеды и значки с черепами. И даже сигареты – куда без них! Заядлым курильщиком стать не удалось, но несколько попыток было.

Тогда-то и началась эпопея с рисунками. Потребность возникла внезапно, в полночь, я схватила листок и начала изображать чей-то силуэт. Получилось вполне сносно. Дальше – больше. Изрисовала не один блокнот. И ничего конкретного – просто образы, наброски, незначительные детали. Силуэт у окна, широкая ладонь на моем плече, взгляды. Образы приходили неожиданно и чаще всего ночью. Словно заходили в гости, посидеть, поболтать за чашечкой чая.

Это намного позже я стала рисовать цельные картинки. Но это уже из жизни, все увиденное мною, осознанное.

Мама не одобряла моего увлечения. Она считала, что я бездарно порчу бумагу и вообще маюсь дурью. Мать была не романтической особой, скорее практичной. И считала, что любое искусство – пустая трата времени и безделье. Не знаю, откуда в ней было столько желчи и глупости.

Отец сбежал от нее после пяти лет брака. На прощание чмокнул меня в нос и сказал:

– Солька, крепись!

За что получил очередную порцию упреков. Дело в том, что такое необычное имя дала мне мать. Ее звали слишком просто, как ей казалось, – Галя. Поэтому имя для единственного ребенка она подбирала с особой тщательностью. И никому в нашем доме не позволялось называть меня иначе, как Соломия.

Папа при расставании позволил себе нежно обозвать маму «командиром в юбке».

– Лучше быть командиром в юбке, чем болваном и тюфяком в штанах, – не осталась в долгу родительница.

Раньше отец ее побаивался и предпочитал не перечить. Но теперь брак распался и терять было нечего.

– Заметь, это ты меня своими гестаповскими повадками таким сделала. Учитывай свои заслуги, дорогая.

– Значит, это я работаю за гроши и пасу задних? Или, может быть, обжимаюсь с секретаршами во время обеденного перерыва?

Мама с папой работали в одной фирме. Родительница достигла некоторых карьерных высот, а отец оставался рядовым сотрудником. Понятное дело, что это было по его самолюбию.

– Рядом с тобой я перестал чувствовать себя мужчиной, – вот и все, что он сказал перед тем, как уйти, хлопнув дверью напоследок.

Мать осталась стоять в прихожей с каменным лицом. Любила ли она его? Или ее неприимый нрав перечеркнул это светлое чувство?

Несмотря на молодой возраст (она родила в восемнадцать лет), вышла замуж родительница только через десять лет после ухода отца. Он же сразу после развода женился на секретарше Оле и был счастлив в браке.

Ломать, ведь не строить. А мать перла напролом, сметая все на своем пути, не обращая внимания на чувства других людей.

Нет, лучше бы она не выходила замуж и никогда не становилась другой. Женственной, мягкой, податливой... Не со мной, а с ним. И для него.

Глава 2

Роман с печальным концом

Семь лет назад

Два человека встречаются, расстаются, общаются, теряются... Миллионы слов, обрывки фраз, телефонных разговоров ежесекундно в мире исчезают, сметаются ураганом времени.

Человек, шагающий по улице, возможно, станет для вас судьбой. Ваша встреча уже predetermined, осталось только дожидаться нужного момента.

Итак, однажды встретились двое... Строчка из любовного романа в мягкой обложке. Но ведь так и случилось! Женщине чуть за тридцать, это шатенка с модным каре и легким макияжем. Она умела себя подать, всегда держала осанку и шагала по жизни с гордо поднятой головой. У нее был вздорный характер и замашки командира. Бывший муж был прав во всем. Женщина даже слегка презирала мужчин и являлась в какой-то степени феминисткой. Ну что такого умеют мужчины, чего не может женщина? Чем они лучше?

Дочь она родила и считала свой женский долг перед обществом выполненным. В семейное счастье и домашний очаг не верила. Только недалекие дуры, ничего не добившиеся в жизни, превращаются в тень своего мужа, сидя дома и заглядывая ему в рот, не забывая подавать платочек.

Замуж Галя выходила по сумасшедшей любви. Он был старше на пять лет и казался идеалом. Самый умный, самый красивый, самый успешный. Их познакомил общий знакомый. Тогда девушка приехала из родного поселка в областной центр, который казался ей мегаполисом, и поступила в Кораблестроительный институт¹. Они поженились почти сразу. Уже к концу первого курса родилась дочь. Тут же на помощь пришла мать девушки, согласившись сидеть с маленькой Соломией. А молодая родительница возвратилась к учебе. Окончила вуз Галина, кстати, с красным дипломом.

Вскоре пришло осознание, что работать на заводе ей нравится больше, чем стоять у плиты или сидеть дома с ребенком. С мужем отношения ухудшились. Он хотел, чтобы она стала домохозяйкой. Для девушки это было равносильно погибели. Об этом она и сообщила супругу. С тех пор началась холодная война. Противостояние за главенствующее место в семье.

И Галина выиграла, доказала не только себе, но и ему, что чего-то стоит. Так закончился их брак. Муж нашел себе ту, в которую безуспешно пытался превратить столько лет ее. Оленька – милейшее создание, которое поперек слова лишнего не скажет и будет боготворить своего мужчину.

Нет, Галина дрессуре не поддавалась и не один мужик, даже самый-самый не стоит того, чтобы ходить перед ним на цыпочках и подтирать ему сопли.

На работе в конце месяца дурдом. А тут еще у бухгалтера Людмилы Железновой юбилей. Она пригласила всех в ресторан. Муж Железновой – состоятельный бизнесмен, поэтому та могла себе позволить такую роскошь.

Галина согласилась пойти только из вежливости. Эти совместные посиделки с подчиненными женщина не любила. Ей казалось, что это подрывает ее авторитет.

¹ Кораблестроительный институт (современное название – Национальный кораблестроительный университет имени адмирала Макарова) – самое старое высшее учебное заведение в Николаеве, своеобразный символ города корабелов.

Ресторанчик был уютненьким и относительно недорогим. Поэтому неловко себя никто не чувствовал. Пришел даже бывший муж с нынешней женой, он только коротко кивнул в знак приветствия Галине и принялся поздравлять именинницу.

– Галина Викторовна, помните, я говорил вам о моем знакомом. Он, конечно, совсем малой, недавно только вуз закончил, но голова у него золотая. – В разгар веселья к женщине подсел охранник Артем, он давно работал в фирме, и Галина его уважала за добросовестное исполнение своих обязанностей. Но такие «прошения» не любила и подачек никому не делала.

– Если он такой хороший специалист, то, думаю, ему не составит труда найти место работы.

Но Артем не обратил внимания на ее холодный тон.

– Давайте он завтра придет, и вы с ним поговорите. У него котелок варит, будь здоров!

Галине больше всего сейчас хотелось откланяться и уехать домой, еще и голова разболелась. Поэтому она не поставила сотрудника на место в привычной для себя манере, а только ответила:

– Ладно, пусть приходит завтра к десяти. Выкрою минут пятнадцать для этого юного дарования.

Она не стала слушать рассыпающегося в благодарностях Артема, а молча встала и, попрощавшись с виновницей торжества, направилась к выходу.

«Юное дарование» оказалось пунктуальным. А еще у него были детские черты лица, обворожительная улыбка и непослушные выующиеся волосы цвета льна. И классика – голубые глаза. Галину это не впечатлило.

– Здравствуйте. Представьтесь, пожалуйста, – сказала, жестом указав ему на стул.

Но парень отвечать не спешил. Окинув взглядом кабинет начальницы и ее саму, он развернулся и потянулся к дверной ручке.

– Что-то не так? – женщина удивилась – никто себе не позволял такого обращения с ней. В голове пронеслась мысль о том, что недооценила парня, он с характером, оказывается.

– Мне здесь не нравится. Думаю, мы не сработаемся, – посмотрел на нее с вызовом. Мол, что ты можешь мне предложить?

Галина быстро оправилась от такой наглости и почувствовала себя рыбой в воде. И не таких обламывали.

– Я могу предложить вам работу с перспективой карьерного роста. Но, если вы не уверены в своих силах и чувствуете себя недостаточно квалифицированным специалистом, то, конечно, уходите. У нас солидная фирма, а не богадельня, – посмотрела на него с насмешкой, ты первый ступил на тропу войны, малыш, теперь держись.

Юноша не растерялся. Теперь он плюхнулся на предложенный ранее стул и сказал:

– Галина Викторовна, я свое дело знаю настолько хорошо, что вы не можете дать и половины того, что мне необходимо для плодотворной трудовой деятельности.

Такой наглости она не ожидала. Каков, а?! Вообразил себя гением!

– Уважаемый, простите, не знаю вашего имени. Вы ошиблись дверью. Гении нам не нужны, хлопот с ними много. Да и затратное это дело. У нас обычные люди работают и делают свое дело хорошо, а не кричат на каждом углу о своей гениальности. Дело надо делать, а не языком чесать.

– Хорошо, я уйду. Но перед этим я просто обязан доказать вам, что не просто так «языком чешу». Поэтому вы возьмете меня на испытательный срок, дабы в этом убедиться. Может быть, мы даже сработаемся. – Вот уж правду говорят: наглость – второе счастье.

Что ж, Галина решила принять его правила игры. И посмотреть, что из этого получится. Тем более «гению» придется, ой, как не сладко!

– Приходите завтра, рабочий день начинается в девять. Не опаздывайте. У вас будет ровно две недели, чтобы доказать мне свою одаренность, – женщина уже не смотрела в его сторону, уткнувшись в график на экране компьютера.

– Меня зовут Андрей Александрович, – перед тем, как выйти из кабинета, произнес нагалец.

– Да хоть Поликарп Поликарпович, – пробормотала себе под нос она, предвкушая веселую жизнь. Вот уж не было печали...

Он пришел. И молча сносил все замечания, просьбы и приказы. Андрей умел быть терпеливым, а еще он неплохо разбирался в людях и хотел достичь определенных высот. И ему стала нравиться начальница – сильная и независимая стерва и пиранья. Таких он любил, может, потому что сам отчасти был таким.

Все-таки за две недели Галина разглядела в нем, если не гения, то перспективного сотрудника. И взяла на работу. Так она впустила его в свою жизнь. А дальше – головокружение, взгляды и сбивчивое дыхание. Андрей был хорош, так хорош, что затмил собой всех. И покорила ее, как ей казалось, пуленепробиваемое сердце.

Это был мужчина, ради которого хотелось забросить свои принципы, гордость и стать той единственной. Ради него она готова, как презираемые ею женщины, сидеть дома и варить борщи. Ее не волновала разница в возрасте в десять лет. Было плевать на субординацию и то, что за развитиями их отношений следил весь офис.

Андрей сделал ей предложение спустя полгода их любовной лихорадки. Он положил перед ней коробочку с кольцом и без всяких прелюдий сказал:

– Гал, выходи за меня замуж.

Впервые в жизни у нее на глаза навернулись слезы от счастья, из-за этого удивительного мужчины.

Соломия вернулась домой со школы и застала свою мать с мужчиной. Хотя едва этого юношу можно было так назвать.

Вначале она удивилась. У матери давно никого не было. А их отношения с отцом едва ли можно было назвать любовными. А тут самозабвенно целуется на кухне с каким-то парнем, немногим старше самой Соломии. Как только парочка попыталась перейти к активным действиям, начиная расстегивать на себе одежду, девочка кашлянула.

– Здравствуйте, а вы спите с моей маман? Очень приятно познакомиться с живым доказательством того, что она не робот, – бесцеремонно сказала Соля и схватила со стола яблоко, впиваясь зубами в его сочную мякоть и с любопытством поглядывая на раскрасневшихся голубков.

– Соломия, ты забываешься! – грозно посмотрела на нее родительница.

Девочка только показала ей язык, смахнув со лба челку.

– Привет, я с твоей мамой не сплю, я ее люблю, и скоро она станет моей женой. Будем знакомы – Андрей, лучше на «ты». – Мужчина вышел вперед, закрыв спиной Галину, и протянул девочке руку.

Та руку в ответ протягивать не стала, продолжая грызть яблоко, нарочно громко чавкая. Доев, ответила:

– Я – Соля, а ты, Андрюха, крепись. Мама тебе устроит «струс мозку»². Она такая у нас, боевая.

– Заткнись! – гаркнула, не выдержав, женщина. – Андрей, не обращай на нее внимания, подростковый возраст, юношеский максимализм плюс ревность, – обратилась, сменив тон, к будущему мужу, но затем опять накинулась на дочь: – Ты опять нарядила свои браслеты и цепи. Наказание, а не ребенок!

² Струс мозку (укр.) – сотрясение мозга.

Соля улыбалась во весь рот. Мама злится, а значит, все идет по плану. На ней сегодня был самый скромный наряд из всех «неформальных», которые имелись у нее. Черная толстовка с надписью «Fuck», рваные джинсы и два браслета с шипами. Ну, еще несколько значков с черепами. Мама одевалась всегда стильно и элегантно и с детства пыталась прививать классический стиль в одежде дочери. Пусть бесится!

– Галчонок, не надо тратить нервы. Соля просто подросток, я тоже был таким. И, кстати, не так уж давно. Это пройдет со временем, а портить отношения не стоит, – успокаивал возлюбленную Андрей, приобняв ее за плечи.

А когда он с девочкой остался наедине, подмигнул ей.

– Я думаю, мы с тобой подружимся.

– А я так не думаю, папочка! – съехидничала Солька.

Они не подружились. К радости Соли и к огорчению Андрея. Соля ему нравилась: живая девчонка с боевым характером, привыкшая протестовать и оспаривать любое мнение матери. Подругами мать и дочь не были. В силу своих характеров. Зато девочка хорошо общалась с отцом и часто бывала у него в гостях. Галина ненавидела эти ее визиты и пыталась запретить дочери общаться с бывшим мужем. Но все ее запреты производили обратный эффект.

Соломия к отчиму относилась с презрением. Мало того, что он был намного младше матери, так еще и стал для той центром вселенной. Постоянно одни и те же разговоры: «Андрюша любит то... Андрюше нравится это...» Никто никогда не интересовался ее мнением, не пытался угодить или подстроиться. Отчим же с самого начала обладал таким правом. Своим присутствием он лишил ее последней надежды на то, что когда-то мать обратит на нее внимание, поймет ее. Теперь единственный, кого женщина могла понять и принять – ненаглядный Андрюша.

Конфликтовала Соля все больше с отчимом, чем с матерью. Она вела активные военные действия, но в ответ на ее протесты, шалости, тот только понимающе улыбался, и от этого девочка злилась еще больше. Андрей всегда шел на примирение, пытался сгладить острые углы, для того, чтобы они стали настоящей дружной семьей.

Девочка пресекала эти благородные порывы и открыто игнорировала совместные походы в кино или поездки на море.

..И рисовала, рисовала, рисовала... Этот период жизни был самым плодотворным в плане творчества. У нее было много идей, образов, которые посещали ее каждую ночь.

Однажды она нарисовала две гвоздики на свежей могилке и обескровленные губы на бледном лице, больше напоминающим маску. Когда-то это было красивое лицо с румянцем на щеках и в еле заметных веснушках. Смерть прикоснулась ко лбу, сгладив морщинки на знакомом лице, и закрыла веки матери уже навсегда.

Болезнь за полгода превратила мать в призрак. Она теперь не кричала, все больше молчала и скользила равнодушным взглядом по обеспокоенным лицам дочери и мужа. Похудела и выглядела до того жалко, что при взгляде на нее, Соля не могла сдержать слез. Дочь любила мать, несмотря ни на что. Оттого, терять родного человека с каждым днем становилось невыносимей. Но время шло, и ее тело постепенно покидала жизнь. Галина уже не боролась, а молча ждала освобождения. Лечение не приносило облегчения, ремиссия так и не наступала.

За нее боролся Андрей. Боролся отчаянно и до конца. Вот только она не верила в свое выздоровление. Где делась та сильная женщина, не пасующая перед обстоятельствами? Исчезла бесследно, оставив после себя лишь обреченную женщину, терпеливо ждущую своего часа.

Теплоты в отношениях дочери и матери не прибавилось. Но протесты и конфликты сошли на нет. Соля сняла свои мрачные наряды и стала обычным подростком.

Когда мать умерла, Соля проплакала всю ночь и на похороны пришла с сухими, но опухшими глазами. Слезы закончились.

Отец подошел к ней и, обняв, сказал:

– Солька, мне так жаль. Сколько тебе пришлось пережить. Я сам до сих пор не могу поверить, что ее нет. Она же бой-баба была, а угасла так быстро.

Соломия промолчала. Что тут скажешь? Это надо чувствовать. Чувствовать потерю всем сердцем и телом. Каждой клеточкой. Боль, которая становится сущностью, застилает глаза белой пеленой и шепчет мерзким голосом: «Ты потеряла ее навсегда».

Есть невосполнимая утрата – смерть близких.

С отчимом Соля жила до совершеннолетия. Ровно три месяца. На восемнадцатый день рождения, Андрей протянул девушке свои ключи от квартиры и исчез из ее жизни.

Он продолжал работать в той же фирме, в которой служила Галина. И появлялся в жизни падчерицы два раза в год – в день смерти жены и на Новый год. Так уж повелось, что этот семейный праздник они праздновали вместе. Так как у Андрея не было семьи, он считал Соломию единственным родным человеком. Девушка так не считала, но этим двум традиционным встречам не препятствовала.

Потом как-то резко жизнь изменила свою траекторию движения. И понеслась по канавам и кочкам.

Глава 3

То, что есть и то, чего нет

Настоящее время

Все, нужно взять себя в руки и не думать ни о чем. Что было, то прошло. Сейчас новый день, новая жизнь, новая Соломия. Не важно, что было и будет, важно то, что есть. На данный момент – это объятия «командировочного». Он позвонил утром и шепотом поинтересовался:

– Ты свободна вечером?

Соломия отставила чашку с кофе и вздохнула.

– Свободна.

– Тогда я буду у тебя к семи.

Девушка попрощалась и нажала отбой. Он придет, наплетет своей ненаглядной о важном деле или командировке и ровно в семь будет топтаться под дверью с джентльменским набором: цветы, бутылка вина или шампанского.

Все у них оказалось настолько предсказуемо, будто старую пластинку крутили по кругу. Чем она лучше жены? Моложе? Раскованнее? Красивее?

Такие размышления тоже были не новы. Однако ничего в этом сценарии она изменить не пыталась. Неожиданные визиты, быстрые поцелуи на прощание и бег галопом, чтобы вернуться обратно на исходную.

Никогда не нужно соглашаться быть второй. Потому что тебя и воспринимают теперь, как запасной аэродром. Отдушина. Секс без обязательств. Не жена.

Она тщательно наносила макияж, стоя у зеркала в прихожей. Вот только вспомнился тот, кого безуспешно пыталась забыть. Изменял ли он жене? Предпочел бы иметь запасной аэродром? Жить по принципу: бери свое и уходи?

Женя заявился на десять минут раньше. Девушка надела кокетливый халатик и даже делала вид, что внимательно слушает, о чем тараторит любовник. Внезапно из общего непрерывного потока слов, она услышала знакомое имя. И сердце тревожно забилося в груди. Теперь нужно было аккуратно допросить Женю. Хорошо, что он уже выпил вина и немного расслабился.

– Да уж, как все меняется. Я его уже почти четыре года не видела, – начала издалека Соля.

– Ты же знаешь, он весь в делах. Кстати, спрашивал, как ты.

– И как я? – улыбнулась краешком губ, думая о другом. О рисунках, широких ладонях и голубых глазах.

– Замечательно. Замуж вышла, двойню родила. – Женя невозмутим и серьезен. Свое он привык отстаивать до конца. А Соломия считалась «его».

Он знал, тот мужчина никакой угрозы не несет, что Соля уже переболела. Но все же. Она еще изредка рисовала его силуэты – Женя видел рисунки в письменном столе. Пришлось порыться в личных вещах любовницы, но врага, как говорится, надо знать в лицо. Тем более лицо было знакомым.

Тему продолжать было бессмысленно. Женя уже смотрел на Солю с подозрением, поэтому любое ее слово, жест, улыбку пропускал через собственный фильтр ревнивца и собственника.

– Иди ко мне, Оля, – любовник не воспринимал необычное имя девушки, поэтому называл просто Олей.

Никто давно не звал ее Солькой.

- Солька, ты такая милая, когда сердишься.
- Солька, ты все придумала. Так не бывает. Нас не бывает.
- Соломия, забудь меня.

– Любимая... – позвал ее Женя, заставив вынырнуть из воспоминаний.

Мужчина порывисто обнял девушку и начал целовать в губы, спускаясь к бьющейся жилке на шее...

После они лежали на кровати в спальне Соломии и смотрели в окно, за которым уже сгустились сумерки.

Пять лет назад

Началась самостоятельная жизнь с провала. Соле не удалось поступить в университет. Она могла бы поговорить с отцом или, в крайнем случае, обратиться к Андрею, чтобы тот помог оплатить контракт. Но девушка этого делать не стала. Поэтому первого сентября засела за газету, в поисках объявлений о работе.

Она перебрала множество вариантов, но нигде не задерживалась больше недели. Без образования и опыта было проблематично найти работу с нормальными условиями труда. Спустя несколько месяцев безуспешных попыток и существования на денежную помощь отца, Соля сдалась и набрала знакомый номер.

– Алло, – у отчима уставший голос. Видимо, Андрей допоздна засиживается на работе. Он был известным трудоголиком.

– Привет. Это я. Прости за беспокойство.

– Соля? Что-то случилось? – голос обеспокоенный. Мужчина после смерти жены стал подозрительным и нервным. Больше никого терять не хотелось.

– Нет... Я работу ищу, можешь помочь? – вдохнуть-выдохнуть, она ненавидела просить у кого-то о чем-либо, тем более оставаться в долгу.

– Хм... Попробую что-то придумать, у нас как раз секретарша в декрет уходит, замену мы ей еще не нашли. Что у тебя с владением ПК? – тон деловой, словно уже собеседование по телефону проводит.

– Владение ПК у меня на уровне, кофе варю сносный. Надеюсь, ублажать начальника в мои обязанности не входит? – вот любила она ему дерзить, эта привычка еще с подросткового возраста пошла. Да уж, ничего не меняется.

– Нет, это лишнее. Тем более этот начальник – я.

Соля поперхнулась чаем.

– Тогда я спокойна, – откашлявшись, спокойно произнесла девушка. Хотя спокойной она не была. Работать на отчима? Перспектива так себе, учитывая ее не очень хорошее отношение к нему. Конечно, девушка перестала относиться так категорично к Андрею, как когда-то. Но теплых чувств особых тоже не питала.

– Я жду тебя завтра в офисе.

Единственный плюс того, что начальник состоит с тобой в определенном родстве, это то, что можно особо не волноваться по поводу внешнего вида или опоздания. Утром она проспала. Вскочила в половине девятого и начала носиться по квартире, как угорелая. Потом ждала на остановке маршрутку минут десять. Поэтому в офисе появилась около половины десятого.

– Соля, первый день и уже опоздание. Тебе работа вообще нужна? – у себя в кабинете он чувствовал себя боссом, поэтому смотрел на нее строго.

Девушка не смутилась, только плюхнулась на стул и закинула ноги на стол. Осталось только закурить для полноты картины. Андрей усмехнулся. Все воюет, пытается кому-то что-то доказать. Детский сад, штаны на лямках!

– Не води себя как ребенок, я взял тебя на работу в надежде, что ты повзрослела. Соломия убрала ноги со стола и согласно кивнула.

– Можно приступить к работе? – с готовностью вскочила на ноги.

– Не так быстро. Сейчас Анжела проведет инструктаж, ты же не знаешь всего, что входит в твои обязанности.

Анжела объяснила и рассказала все, что нужно и даже сверх того. Она была той еще болтушкой. Соля быстро вошла в курс дел и на следующий день явилась на работу без опозданий.

Отчим относился к ней доброжелательно, но спуска не давал. Спустя несколько месяцев девушка могла похвастаться исполнением рабочих обязанностей, доведенным до автоматизма. На скорую руку варить отличный кофе, доброжелательно улыбаться посетителям, молниеносно печатать документы – все эти функции вмещала в себе идеальная секретарша, которой, как казалось Соломие, была она.

– Солька, ты почему допоздна засиживаешься? – строго посмотрел на нее Андрей, закрывая дверь своего кабинета.

– Мне переделать нужно кое-что. Ты же просил с утра тебе бумаги отдать, – в офисе никого не было, поэтому она могла позволить себе обращаться к нему на «ты».

И пальцы дальше забегали по клавиатуре.

– Пойдем домой, не такой уж я тиран и деспот. Отдыхать тебе тоже надо.

Соля посмотрела на него и, прищурившись, спросила, скорее из вредности:

– А ты чего так поздно, неужели себе подружку не завел? Дал обет безбрачия и с головой окунулся в работу?

– Язва ты, Соля, – вздохнул Андрей и устало потер виски. – Вся моя личная жизнь – это работа. После смерти Гали вообще ни на кого смотреть не могу.

Соля перестала печатать и уставилась на него во все глаза. Мужчина был другим. Возможно, смерть Галины его изменила. Или раньше она так часто с ним не общалась и не знала столь близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.